

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.038
УДК 069(571.54) + 069.4 +
+ 391(=512.36) + 669.22-055.2

Е. А. Баторова

*Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия*

Э. Н. Райцанова

*Кяхтинский краеведческий музей
им. академика В. А. Обручева
Кяхта, Россия*

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В СОБРАНИИ КЯХТИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В. А. ОБРУЧЕВА

Статья посвящена изучению коллекции женских украшений в Кяхтинском краеведческом музее, насчитывающей около ста пятидесяти предметов. Первоначальный период комплектования был связан с деятельностью Русского географического общества в начале XX в. и продолжен в советское время, когда фонд существенно пополнился предметами из различных районов Бурятии. Согласно музейным документам, большая часть вещей не атрибутирована, состоит из разрозненных предметов или их отдельных элементов, нуждается в проведении научно-исследовательских работ и технической экспертизы. Для введения музейных предметов в научный оборот поставлены следующие задачи: описание и анализ произведения искусства, семантика орнаментации, идентификация разрозненных частей и предметов украшений, входящих в традиционный костюмный комплекс районов Бурятии. В исследовании были применены следующие методы: иконографический, иконологический, сравнительно-сопоставительный. Полный комплект женских украшений монгольских народов включает головные, шейные, нагрудные, наплечные, поясные и наручные изделия. В рамках статьи исследуются только головные и височно-нагрудные украшения. Рассматриваются женские и мужские серебряные навершия головных уборов и принципы их дифференциации. В статье проводится атрибуция украшений для выявления их принадлежности к определенной этногруппе бурят, так как в различных районах Бурятии и Монголии ансамблевое решение традиционного костюма отличалось вариативностью и художественным своеобразием разных племен и родов (цонголы, хори-буряты, сартулы и т. д.). Исследуются три монгольских образца женских украшений. Ставится вопрос дальнейших работ по каждой группе атрибутов женского многосоставного украшения с привлечением сопоставительного материала из разных музеев.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коллекция; женское украшение; серебро; коралл; традиционный костюм; атрибуция; монгольские народы; Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева

Ц и т и р о в а н и е: *Баторова Е. А., Райцанова Э. Н.* Женские украшения монгольских народов в собрании Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 260–271. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.038>

Поступила в редакцию: 06.10.2021

Принята к печати: 17.03.2022

Elena A. Batorova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

Elvira N. Raitsanova

Academician V. A. Obruchev Kyakhta Local Museum

Kyakhta, Russia

FEMALE JEWELRY OF THE MONGOLIAN PEOPLE IN THE COLLECTION OF THE V. A. OBRUCHEV KYAKHTA LOCAL MUSEUM

This article examines the Mongolian female jewelry collection of the Kyakhta Local Museum amounting to almost a hundred and fifty items. The collection started with expeditions of the Russian Geographical Society in the early twentieth century and continued throughout the Soviet period when it was significantly enlarged with items from various regions of Buryatia. According to the museum's documents, and most of the items are still unidentified, the collection consists of scattered items or their individual elements which need proper research and technical expertise. During their examination of the said items, the authors solve several problems, i.e. they analyse and describe the art piece, the semantics of the ornamentation, identify the scrambled elements and pieces of jewelry used in the traditional costume of the Buryat regions. The authors use the iconographic, iconological, and comparative methods. The full set of female jewelry for the Mongolian people adorns the head, the neck, the chest, the shoulders, the waist and both arms. The article only focuses on headpieces and items worn hanging from the temples all the way down to the chest. It includes the description of silver decorations used for the top of male and female hats, and techniques for their differentiation. The study attempts to attribute the jewelry to define its affiliation with a specific Buryat ethnic group, as different areas of Buryatia and Mongolia have their own variations and artistic identities expressed in the traditional costume of their tribes and families. The article describes three items of Mongolian female jewelry. The authors aim to continue the research by focusing on each group of female jewelry attire with reference to comparable material from different museums.

Key words: collection; female jewelry; silver; coral; traditional costume; attribution; Mongolian people; V. A. Obruchev Kyakhta Local Museum

For citation: Batorova, E. A., & Raitsanova, E. N. (2022). Zhenskie ukrasheniia mongol'skikh narodov v sobranii Kiakhtinskogo kraevedcheskogo muzeia im. V. A. Obrucheva [Female Jewelry of the Mongolian People in the Collection

of the V. A. Obruchev Kyakhta Local Museum]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 260–271. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.038>

Submitted: 06.10.2021

Accepted: 17.03.2022

В этнографическом фонде Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева насчитывается около 150 предметов женских украшений монгольских народов. Источниками комплектования данной коллекции в XX в. стали целевые закупки и дары. Начало ее формирования связано с деятельностью Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, основанного в 1894 г. Согласно записи в книге поступлений музея, 25 января 1900 г. Ю. Д. Талько-Грынцевич¹ в Урге приобрел пару монгольских височных серег вместе с головным убором замужней монголки, китайской зимней мужской шапочкой, китайской скрипкой и монгольским кувшином для чая. В 1960-е гг. музеем была организована экспедиция в Джидинский и Селенгинский районы Бурятии, где были приобретены украшения из серебра, коралла, драгоценных и полудрагоценных камней. В 1970-е гг. музейные фонды также пополнились бурятскими ювелирными предметами из Кяхтинского, Селенгинского и Закаменского районов. Традиционные тяжеловесные наборы украшений уже не вписывались в контекст времени², и, как следствие, поступали в музейное собрание.

Целью нашего исследования является атрибуция фондового материала, представляющего женские украшения бурят и монголов. Однако, ввиду масштабности предполагаемых исследовательских работ, мы ограничились коллекцией бурятских головных и височно-нагрудных украшений, а также трех монгольских предметов для проведения сравнительно-сопоставительного анализа. Согласно музейным документам, датировка предметов на момент поступления приблизительно, фиксируется теми годами, когда вещь была приобретена музеем, в книге поступлений либо отсутствуют сведения об источнике поступления, либо записи недостаточно информативные. Помимо прочего, к 1960–1980-м гг. бурятские названия отдельных элементов украшений в сельской местности не везде сохранили первоначальную терминологию и получили измененные диалектные наименования³, что в некоторой степени усложняет атрибуцию предметов.

¹ Ю. Д. Талько-Грынцевич (1850–1936) — польский врач, антрополог, известный эксперт по археологии и этнографии Забайкалья, глава отделения Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества и Кяхтинского музея до 1908 г.

² Национальная политика государства в советский период характеризовалась тенденцией к латентной русификации бурятского народа, нивелирование национального компонента способствовало постепенной утрате этнокультурных ценностей, при котором старинные традиции, ритуалы, как и знание языка, особенно в городской среде, отчасти начали исчезать. Процесс возрождения национальных традиций в Бурятии начинается с 1990-х гг.

³ В книге поступлений названия некоторых предметов записаны со слов владельцев.

Таким образом, изучаемая коллекция большей частью состоит из разрозненных предметов и их составляющих произведений бурятских кузнецов.

Современные монгольские народы являются наследниками древних центральноазиатских племен, тесно взаимодействовавших друг с другом и входивших в многообразные государственные объединения с I тыс. н. э. Сложные этногенетические процессы, связанные с происхождением племен и их миграционными движениями на территории Центральной Азии и Южной Сибири, в полной мере еще не изучены. Согласно историческим данным, многие роды забайкальских бурят, составивших, наряду с предбайкальскими, понятие бурятской народности в XVIII в., являлись большей частью выходцами из регионов Монголии. Исторически племенные группы расселялись по территории Забайкалья неравномерно: в разных потоках миграции с различных территорий; и состояли из множества родовых сообществ. К примеру, в племени сартул, происходивших из Западной Монголии, насчитывалось примерно 26 образований⁴.

В монументально-торжественный комплекс женских серебряных украшений монгольских народов входили головные, шейные, накосные, нагрудные, наспинные, наплечные, поясные и наручные изделия. Причем в разных районах Бурятии и Монголии, у различных этнических групп его ансамблевое решение отличалось вариативностью и художественным своеобразием в зависимости от родовой и племенной принадлежности владелицы. Традиционно полный гарнитур весил несколько килограммов, готовился для невесты к свадебному торжеству, где части предметов могли быть изготовлены в разное время, переданы по наследству от матери к дочери, хранились в роду не одним поколением, при этом какие-то части могли быть утрачены и дополнены позже. К сожалению, оригинальные многосоставные комплекты в виде цельного ансамбля к женскому костюму в кяхтинском музее не представлены, а только его отдельные части.

Среди головных украшений нами рассмотрены *дэнзэ* 'серебряное навершие шапочки', *малгай* с островерхой тульей и околышем и *даруулга* 'убор в виде венца замужних женщин и девушек на выданье'. Многочисленные экземпляры навершия дэнзэ представлены ныне в различных музейных собраниях как примечательная и особая деталь головного убора. Дэнзэ представляет собой навершие из серебра полусферической формы, которое венчает округлая вставка из крупного коралла, лазурита или янтаря.

В XIX в. официальными властями была введена система социальной иерархии в среде бурят в соответствии с разделом «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей» из «Правил, установленных селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными светскими сайтами в 1841 году» [Пучковский, с. 223]. Главным отличительным знаком подобного костюма стал головной убор с шариком *жинчи*, изготовленный в зависимости от ранга из коралла, лазурита, раковины, бирюзы, что нашло отражение и в убранстве жен сановников. Истоки появления жинчи у бурят очевидны,

⁴ Так называемой «родовой кости» (монг. *яс*, бур. *яхан*), ведущей родословную от общего предка.

ведь с XVII в. подобная традиция, как указывает Ё. Баярсайхан, была внедрена еще в кругах монгольских аристократов, носивших на головных уборах перья павлина или камень *жинс*⁵ под влиянием ранговой иерархии Цинской династии [Баярсайхан, с. 72].

Атрибуция десяти музейных образцов дэнзэ позволила нам отнести вещи к мужскому либо женскому головному убору, руководствуясь такими известными характеристиками, как их размеры, характер орнаментального декора, применение поделочного камня. Так, наверхиям женских шапок были свойственны нейтральные или «женские» орнаменты: растительный, цветочный, ажурные завитки; а наверхиям мужских шапок — «мужские» узоры: это дракон, *эбэр угалза* «роговидный орнамент» [Шагланова, с. 32]. Поначалу все музейные предметы выглядят однотипными, так как выполнены с использованием жинчи из коралла насыщенных красных оттенков. Из них восемь экземпляров можно отнести к наверхиям женских шапок, потому что они отличаются компактными размерами с округлой формой камня, изысканными растительными мотивами, техниками ажурной филигрании и зерни. Что касается двух оставшихся предметов (инв. № 4500, № 3974), характер художественного решения, по нашему мнению, позволяет причислить их к деталям мужского головного убора. В частности, образец под № 4500 стилистически отличается более монументальными габаритами тяжеловесной серебряной подставки с четким чеканным узором. Другая работа под № 3974 выполнена с использованием укрупненной и слегка вытянутой вверх бочонкообразной конфигурации камня.

В музейном хранении находится десять единиц *даруулга* (диалектные варианты — *татуурга*, *татуурхэ*), представляющего собой праздничный головной убор девушки⁶ на выданье и замужней женщины в виде венца с повышением в центре, напоминающий по форме кокошник. Все вещи находятся в удовлетворительном состоянии, некоторые имеют утраты компонентов и частично хранятся в разобранном виде. Предметы записаны по документам как *татуурги* (цонгольско-сартульский диалект), что является свидетельством того, что они были закуплены в основном в Селенгинском районе Бурятии. Они изготовлены по традиционной технологии, где основой вещи является полоска бересты или толстой кожи, обшитая шелком, чаще с преобладанием синих оттенков. На ее поверхности закреплены тремя горизонтальными рядами полудрагоценные камни, где в центре убора зафиксирован самый крупный камень — белый коралл, янтарь, лазурит, по сторонам от которого располагаются убывающие по величине от центра многочисленные красные кораллы и более редкие включения бирюзы, янтаря и малахита. Формы бусин используются как крупные бочонкообразные, так и круглые, они плотно располагаются в среднем ряду, а в верхнем и нижнем — через равные промежутки.

⁵ *Жинс* (монг., халхасский диалект) — ‘шарик из камня на чиновничьей шапке’, мог также обозначать плетеный узел из красного шнура. Красную шелковую бахрому — *зала* — привязывали к жинчи или укрепляли под подставку дэнзэ.

⁶ Девушки могли носить даруулгу с 14–15 лет.

Девять из вышеобозначенных экземпляров в книге поступлений значатся как «головные уборы бурятской девушки», и в самом деле, образцы имеют характерные дополнения в виде удлинённых боковых снизок из коралловых бусин в несколько рядов, общая длина которых достигает примерно 70–80 см, что соответствует параметрам девичьего убора. Длинные коралловые нити украшены одной крупной лазуритовой бусиной в середине ряда и завершаются нередко дополнительными *habuga* ‘связками из пучков бус с серебряными монетами’, самые старинные из которых относятся к 1861 г. (инв. № 3810), или же, как вариант, завершаются небольшими колечками и фигурными пластинками. Известно, что у хори-бурят, сартулов и сонголов, как и в рассматриваемых музейных вариантах, снизки бус нисходят от венца каскадными ярусами, где верхний ярус образуется непосредственно у венца, а нижние уровни крепятся к полоскам тесьмы, пришитым к венцу и украшенным кораллами и серебряными монетами. Десятый образец под № 5286 интересен тем, что представляет уже женский вариант татуурги, где общая длина боковых снизок короче примерно в два раза, чем в рассмотренных девичьих уборах.

Убор даруулга встречается только в костюмных комплексах селенгинских, хоринских, закаменских бурят. Полагаем, что музейные образцы демонстрируют территориальную принадлежность к селенгинским этногруппам цонгол и сартул. Так, в нашей коллекции отсутствуют экземпляры с однорядным расположением камней на поверхности головного убора, характерные для отдельных этногрупп закаменских бурят, как нет и работ хоринских мастериц, обычно подбирающих для его оформления одинаковые по размеру минералы.

Волосы у монгольских народов символизировали *сульдэ* — «воплощение жизненной силы», им отводилась важная роль в ритуалах переходного цикла. Прическа у бурятских женщин отмечала ее возрастные периоды, когда у девушек заплетались одна коса или множество косичек, тогда как замужние женщины носили две косы. Для защиты удивительной силы волос замужних женщин использовались всевозможные ‘накосники’ — *туйба*, *боолто*, *хонтуул*, *шэбэргэл* в виде полых трубочек-чехлов. Волосы обладали, как отмечала О. В. Шагланова, не только некой магико-эротической энергией, сексуальной силой, но и были связаны с Хаосом, темным, ущербным, и, таким образом, накосные чехлы сдерживали магическую энергию, прикрывая женские волосы [Шагланова, с. 119], равно как и различные треугольные колпачки для концов кос.

Отдельные группы, наиболее сложные для атрибуции, составляют как накосные, так и височно-нагрудные украшения различных этнических групп бурят. В музейной коллекции имеются туйба (‘накосники’) двух типов, отмеченные локальным своеобразием. Первый тип туйба Г-образной формы фиксировался в основании кос, спущенных на грудь, в costume женщин племен хори-бурят Селенгинского района и имел вид выступающих небольших рожек. Фондовая коллекция располагает достаточно наглядными образцами от упрощенной до усложненной структуры. К примеру, имеются версии представления предмета в виде отдельной конструкции, где короткий стержень украшен серебряным или

позолоченным шариком, а в других вариантах он дополнен деталями: длинный конец вставлен в хорошо сохранившуюся искусственную косу⁷ и сверху обернут тесьмой, причем концы подобных кос могут быть украшены серебряной монетой с цепочкой (инв. № 5480).

Одним из важных итогов нашей работы стало уточнение атрибуции вещи под № 3686. В результате проведенных исследований нами было установлено, что это разновидность накосных украшений туйба второго типа, а не наплечники⁸, как они ошибочно значатся в инвентарной книге музея. Парные детали также крепились у основания кос, под *даруулгой* и выдавались по обе стороны головы в виде громоздких рогообразных элементов, нарядных и одновременно причудливых по конфигурации. Полукруглый объемный каркас музейного предмета обтянут черным бархатом, на котором плотно нашиты два ряда кораллов, причем нижний из них чередуется с подвесками. Последние состоят из нанизанных на стержень металлических шариков и разноцветных крупных бусин из янтаря, лазурита и коралла, закрепленных сверху и снизу цветочными ложами.

Однотипные украшения носились женщинами племен хори-бурят и цонгол, проживающими в Селенгинском и других районах Бурятии⁹. Общемонгольские корни племен, как и совместное проживание, сказались на сходстве данного украшения в конструкции, технологии, материалах, способе ношения. Следует отметить, что в известных научных изысканиях по бурятским украшениям и костюму данных этногрупп нет обстоятельных исследований с рассмотрением подробных отличий некоторых частных. Тщательно проведенный сравнительно-сопоставительный анализ фондовых туйба двух племен, а также изучение аналогичных вещей из других музеев Бурятии и старинных фото XIX в. с образами бурятских женщин в праздничной одежде позволили нам выяснить, что музейный экземпляр под № 3686 относится к украшению из костюмного комплекса хори-бурят. В пользу данного утверждения свидетельствуют следующие специфические особенности изготовления хоринской работы: имеется только одиночный верхний ряд кораллов в отличие от цонгольских двурядных; нижние подвески заканчиваются колечками, в то время как у цонголов — маленькими литыми шариками. В кяхтинских фондах также отдельно хранятся детали подвесок туйбы¹⁰ под № 4501 (7 штук: 4501-1, 4502-2 и т. д.), которые, согласно нашим изысканиям, относятся к работам хоринских кузнецов, тогда как четыре экземпляра под № 4286 — цонгольские.

⁷ Искусственные косы плелись из черных крученых ниток, волос сарлыка и конских волос, вплетались в настоящие косы.

⁸ Наплечные украшения действительно имелись у девушек и молодых женщин племени хори-бурят в виде округлой или квадратной формы серебряной коробочки, декорированной крупной коралловой бусиной по центру и тремя длинными свисающими коралловыми низками. Подобное украшение пришивалось на халат или безрукавку.

⁹ Согласно историческим данным, эти племена прибыли на территорию Забайкалья в XVII в., во время междоусобных войн в Монголии.

¹⁰ Согласно ошибочным музейным записям, данные части также обозначены как «наплечники».

У закаменных бурят племени хонгодор существуют сходные с туйба накосные украшения под названием *хонтуул*, также представляющие собой полую серебряную трубочку, герметичную с одного конца и открытую с другого, горизонтально закреплявшуюся на уровне ушей и декорированную инкрустацией из малахита и коралла. Хонтуул обязательно сопровождался *боолто* — дополняющей частью накосных украшений в виде серебряных полуцилиндров, в которые вдевались косы на уровне плеч. Примечательно, что часто образцы хонтуул по документам Национального музея Республики Бурятия фигурируют также под названием туйба [Шагланова, с. 51]. В самом деле, в собранном виде комплект *хонтуул-боолто*, экземпляры которых отсутствуют в кяхтинском собрании, визуально повторяет Г-образную конфигурацию *туйба*, возможно, более древнюю по происхождению.

Отголоски синкретического мышления древних племен, семантика архаического мировосприятия воплотились через приемы кодирования информации с помощью совокупности разнообразных знаков в костюмном комплексе монгольских народов. Помимо возрастного, социального и этнолокального маркера все ювелирные украшения бурят и монголов выполняли функцию магико-охранительного характера, который был выражен через конструкцию вещи, формы деталей, символику камней и орнаментальных мотивов. Рогообразные по форме, украшенные всевозможными деталями, прически монголов племен халха, барга, дариганга и мянгад демонстрируют несомненную близость рассмотренным бурятским вариантам накосников. Примечательно и то, что рукава в одежде женщин Кяхтинского и Селенгинского районов были составными, с высокими буфами и напоминали ногу барана, а конструкция обшлагов повторяла форму *туруу* — «копыта» лошади [Бадмаева, с. 61–63], как и у других монгольских племен. Таким образом, идеи плодородия и процветания семейно-родового коллектива воплотились в художественном решении традиционного костюма через символическое уподобление женщины мифической небесной маралухе или лосихе, связанных с кульгом матери-прародительницы богини Умай [Дашиева, с. 179–186; Николаева, с. 110].

Комплект женских украшений в XVIII–XIX вв. одевался с праздничной одеждой буряток, отличался ярко выраженной архитектурной торжественно-массивной конструкции, где доминирующим лейтмотивом выступал красный коралл [Баторова, с. 129]. Многорядная подвесная система спускалась от дару-улга, обрамляя лицо женщины, и далее украшала всю переднюю часть одежды, прикрывая косы, области груди и живота серебряными подвесками, кольцами, цепями, дополнялась нагрудными ожерельями и амулетами.

Группа височно-нагрудных украшений также отмечена несколькими вариациями у различных этнических групп бурят. У племени хори встречается простой и незатейливый вариант по изготовлению — *хиухэ*¹¹, подвешенное

¹¹ *хиухэ* — буквально «серьги», а также височные серьги с длинными цепочками у хоринских родов Бурятии, Агинского автономного округа, Ононского района Читинской области.

к боковым коралловым низкам головного убора или крючками непосредственно к косам и соединенное внизу массивной цепью *улсуур*. Согласно классификации Р. Д. Бадмаевой, этот вид относится к украшениям первого типа. Парная деталь украшения состоит из конструкции в виде двух литых колец — большого и малого *эмэг* (диаметр 10–12 см и 2,5–3 см), соединенных между собой стержнем с нанизанными серебряными треугольными кастами, обрамляющих крупный коралл. Второй усложненный вариант представляет своеобразное ‘ожерелье с колокольчиками’ *һиихэ-хонхо* (или *сиихэ-эрбээхэй*), распространенное среди племен хонгодор, сартул и цонголов, проживающих в Кяхтинском, Селенгинском, Джидинском, Закаменском и Агинском районах. Он является более усовершенствованной конструкцией типа *һиихэ* [Бадмаева, с. 79–81].

Исследуемые фондовые образцы представлены, в основном, нарядной и величественной формой *һиихэ-хонхо*. Большое кольцо *эмэг* украшено не только ажурной растительной композицией, наполовину или полностью заполняющей его внутреннее пространство, но и усложнено боковой деталью в виде выпуклой пластины с прочеканенным ажурным узором и инкрустацией из крупного коралла. Особый интерес вызывают два *һиихэ-хонхо* (инв. № 4544 и № 5296) в виде парных колец и подвешенных к ним фигурных пластин, которые, в свою очередь, соединены цепями с центральной пластиной бóльшего размера. Слово *һиихэ-хонхо* дословно переводится с бурятского языка как «серьги-колокольчики», потому как все пластины имеют характерные дополнения в виде свисающих на цепях колокольчиков. В результате проведенного исследования, нами установлено, что данные экземпляры являются частью комплектов женских украшений племени сартул. Все три пластины единообразно выполнены, имеют причудливую форму, в которой различимы силуэты двух симметричных рыбок, расположенных по сторонам от неясно изображенного центрального мотива. О. В. Шагланова объясняет, что «парное украшение в виде рыбок должно было висеть у каждой груди, как бы прикрывая их. Нижняя бляха висела ниже пупка, на уровне гениталий» [Шагланова, с. 58], потому что рыбы олицетворяли воду, которая в мифологическом мышлении выступала аналогом материнского лона и чрева [Там же, с. 136–137]. Мы предполагаем, что изначально в данной декоративной композиции центральным узором являлась ваза, к которой с двух сторон головой и хвостовой частью прильнули рыбки. Ее истоком вполне могла быть индуистская священная калаша — ваза, содержащая первичную воду, трансформированная в буддийскую бумпу, которая олицетворяет чистоту, входит в число восьми благоприятствующих символов. И, возможно, что композиция с вазой и двумя рыбками у монгольских народов уже позднее была переосмыслена под влиянием китайской культуры как благопожелательный узор бабочки (бур. — *эрбээхэй*, монг. — *эрвээхэй*)¹².

Среди изучаемых музейных предметов выделяются три монгольских образца, два из которых обнаруживают явные аналогии с бурятскими украшениями.

¹² Мотив бабочки в китайской культуре символизирует знак супружеского счастья.

Височные серьги под № 1424, приобретенные в Урге в 1900 г., стилистически оформлены как части конструкции *hiixэ-хонхо*: из двух колец, соединенных между собой стержнем, выполненных в техниках накладной филигрании, чеканки и зерни. Единственное отличие монгольского изделия состоит в том, что среди нанизанных типичных ажурных деталей в виде треугольного колпачка и кубика с гранями из монетовидного узора *зоосон хээ* отсутствует традиционная деталь — коралловая бусина. В кяхтинской коллекции нами была обнаружена почти идентичная вещь под № 4819, закупленная в 1979 г. в Бурятии, также с отсутствующим минералом. Примечательно, что оба экземпляра модернизированы в обычные серьги путем функциональной трансформации вещи через инверсию. Согласно исследованиям орнаментоведа Л. Батчулууна, термин *зоосон хээ* в монгольском языке означает 'узор в виде круглой китайской монеты' [Батчулуун, с. 420], в таком же варианте он вошел в лексику забайкальских мастеров¹³, как и множество других орнаментальных мотивов с китайскими названиями, заимствованных преимущественно с распространением буддизма.

Явные параллели в конструкции, мотивах и технологии обнаруживаются у монгольских (инв. № 4658) и бурятских (инв. № 4477) серег. Они представляют собой основание в виде округлой пластины, к которой с оборотной стороны крепится петля-крючок, и нижней подвески в форме удлиненного листочка с прожилками. Разница рассматриваемых образцов лишь в том, что на округлой пластине выгравированы различные благопожелательные символы буддизма: у монгольского мастера — мотив *ользий* (бур. *улзы*) «бесконечный узел счастья», а у бурятского мастера — *бадма* «лотос». Популярность мотива *ользий* в разнообразных композициях монгольских серег подтверждается данными, приведенными М. М. Амгаланом, у таких племен как торгууд и захчин [Амгалан, с. 91].

Большую сложность в вопросе атрибуции представляет третий монгольский предмет — великолепное нагрудное украшение № 3531, находящееся в неудовлетворительном состоянии, где, помимо потемнения металла, имеются разрывы ниток, спутанность узлов, утрата бусин. На плотную основу из двух парчовых полос, соединенных в центре, нашиты десять крупных металлических пластинок, украшенных сквозной и накладной филигранью, инкрустированных кораллом, бирюзой, эмалью. Вещь также нарядно декорирована металлическими фигурными подвесками и снизками из разноцветных минералов. Прямых аналогов оформления этого предмета среди забайкальских изделий нет, в то же время основа конструкции напоминает *хоолопши* — 'нагрудное V-образное украшение эхиритских женщин Предбайкаля'. Что касается монгольских вариантов, то для этого требуются дополнительные изыскания в сотрудничестве с монгольскими музейщиками.

На сегодняшний день большая часть вещей из этнографической коллекции Кяхтинского музея нуждается в комплексных научно-исследовательских

¹³ *Мүүнгэ* (бур.) — монеты из серебра, деньги.

работах и технико-технологической экспертизе. Вопросы датировки остаются открытыми после первичной атрибуции, их конкретное разрешение возможно после химических проб состава металла. Одна из важных задач музейного хранения — реконструкция первоначального облика традиционного предмета, его бытования, сопряжение с типами костюмных комплексов, поэтому остро стоит вопрос научно выстроенной постоянной музейной экспозиции, в которой представлено все этническое разнообразие украшений монгольских народов. Вне всякого сомнения, необходимы более детальные, специализированные исследования по каждой группе женского многосоставного украшения (головные, накосные, височно-накосные, наспинные и т. д.) с привлечением обширного сопоставительного материала коллекций из разных музеев.

Исследования

Бадмаева Р. Д. Бурятский традиционный костюм. Улан-Удэ : НоваПринт, 2016.

Баторова Е. А. Семантика коралла в традиционном и современном искусстве тибетских и монгольских народов // Традиции в современном искусстве: интерпретация и проблема критериев. Пятое Валеевские чтения : сб. ст. / ред. Г. Ф. Валеева-Сулейманова. Казань : Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 127–135.

Баярсайхан Ё. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М. : Институт языкознания РАН, 2002.

Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001.

Николаева Д. А. Культ Умай в традиционной культуре бурят // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (62). С. 108–113.

Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения / отв. ред. Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 1 : История, право.

Шагланова О. В. Символика женских украшений восточных бурят : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Улан-Удэ, 2005.

Амгалан М. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс = The cultural monuments of Western Mongolia. Улаанбаатар : Монсудар, 2000 (на монг. и англ. яз.).

Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг (Искусство стеганого шитья из монгольского войлока). Улаанбаатар : Интерпресс, 1999 (на монг. яз.).

References

Amgalan, M. (2000). *The Cultural Monuments of Western Mongolia*. Ulaanbaatar: Baruun mongolchuudyn edijn soelyn dursgalt zujls.

Badmaeva, R. D. (2016). *Buriatskii traditsionnyi kostium* [The Buryat Traditional Costume]. Ulan-Ude: NovaPrint.

Batchuluun, L. (1999). *Mongol esgii shirmeliin urlag* [The Art of Mongolian Felt Quilting]. Ulaanbaatar: Mongol esgij shirmeliin urlag.

Batorova, E. A. (2016). Semantika koralla v traditsionnom i sovremennom iskusstve tibetskikh i mongol'skikh narodov [The Semantics of Coral in the Traditional Art of Tibetan and Mongolian People]. In G. F. Valeeva-Suleimanova (Ed.), *Traditsii v sovremennom iskusstve: interpretatsia i problema kriteriev. Piatye Valeevskie chteniia* [Fifth Valeev Readings: Traditions in Contemporary Art: Interpretation and the Criteria Problem] (pp. 127–135). Kazan: Mardzhani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Press.

Bayarsajhan, Yo. (2002). *Etnokul'turnaia leksika sovremennogo mongol'skogo iazyka* [The Ethnocultural Vocabulary of the Modern Mongolian Language]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press.

Dashieva, N. B. (2001). *Kalendar' v traditsionnoi kul'ture buriat* [The Calendar in Traditional Buryat Culture]. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts Press.

Nikolaeva, D. A. (2008). Kul't Umai v traditsionnoi kul'ture buriat [Cult of Umay in Traditional Buryat Culture]. *Izvestia. Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 11 (62), 108–113.

Puchkovskij, L. S. (1957). *Mongol'skie, buriat-mongol'skie i oiratskie rukopisi i ksilografy Instituta vostoковedeniia* [The Mongol, Buryat-Mongol, and Oirat Manuscripts and Woodcut Prints from the Institute of Oriental Studies]. (Iss. 1: *Istoriia, pravo* [History, Law]). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ.

Shaglanova, O. V. (2005). *Simvolika zhenskikh ukrashenii vostochnykh buriat* [The Symbolism in the Female Jewelry of the Eastern Buryats] (doctoral dissertation). East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude.

Баторова Елена Александровна

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры теории и истории
искусства

Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: batea2005@mail.ru

Batorova, Elena Alexandrovna

PhD (Art History), Associate Professor
Department of the Theory and History of Art
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: batea2005@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3326-3424>

Райцанова Эльвира Николаевна

главный хранитель
Кяхтинский краеведческий музей
им. академика В. А. Обручева
671840, Бурятия, Кяхта, ул. Ленина, 49
E-mail: rajczanova@mail.ru

Raitsanova, Elvira Nikolaevna

Head Curator
Academician V. A. Obruchev Kyakhta Local
Museum
49, Lenin Str., 671840 Kyakhta,
Buryat Republic, Russia
Email: rajczanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9561-6785>